

УДК 801

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ-НОМИНАТИВОВ

Г.К. Хамзина

Аннотация

В настоящей статье подвергаются анализу нестандартные номинативные высказывания в образованиях, в которых когнитивная концептуализация и лингвистическая репрезентация не совпадают. Автор следует идеям И.А. Бодуэна де Куртенэ о роли человеческого фактора в языковых изменениях.

В фокусе внимания современных лингвистов неслучайно оказался человеческий фактор: прагматика играет важнейшую роль в формировании и функционировании языка. Преломление его сквозь призму когнитивной деятельности человека позволяет говорить о когнитивно-прагматических механизмах образования и употребления языковых единиц как всеобщем свойстве языка, реализуемом в речи. Надежным ориентиром при исследовании языка с когнитивно-прагматических позиций может и должно служить «рассмотрение языкового факта одновременно как функционирующего и как развивающегося», что составляет основу бодуэновской методики, взятой на вооружение современной лингвистикой, однако еще далеко не освоенной ею, как отмечает представитель Казанской лингвистической школы нашего времени профессор Г.А. Николаев, полагая, что полномасштабное применение методики И.А. Бодуэна де Куртенэ в науке произойдет в XXI веке [Николаев 1995: 9]. На фоне такого положения дел в современном языковедении любая попытка творческого развития идей Бодуэна де Куртенэ в данном направлении может способствовать продвижению указанной задачи, чем и мотивировано наше обращение к заявленной проблеме.

Локомотивом, движущей силой развития языкового факта в процессе его функционирования является основная антиномия языка и речи. Она заключается в том, что стабильность, консерватизм языковой системы и, в силу этого, известная ограниченность возможностей языкового выражения новых, все более растущих знаний в результате когнитивной деятельности человека, вербальной репрезентации его усложняющихся коммуникативных потребностей преодолевается в речевой деятельности благодаря ее творческому, динамическому характеру, рождающему различные инновации, которые со временем оказывают влияние на сам язык, приводят к изменению его характеристик и в итоге – его качества. И.А. Бодуэн де Куртенэ в своих трудах последовательно проводил тезис об огромной роли человеческого (прагматического) фактора в этом процессе языкового изменения: «Причиной, двигателем всех изменений

языка является стремление к удобству, стремление к облегчению в трех областях языковой деятельности: в области произношения (фонации), в области слушания и воспринимания (аудиции) и, наконец, в области языкового мышления (церебрации)» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 348]. Сущность языка понимается этим выдающимся ученым как «исключительно психическая», и в то же время он усматривает в языке и социальную сторону [Там же]. Эта трактовка, если анализировать ее в контексте современных научных парадигм и в переводе на их терминологию, выражает точку зрения на язык как на важнейший аспект когнитивной деятельности человека (языковое мышление – составная часть языковой деятельности, проявление психики, сознания человека), ее инструмент и конвенциональное, социализированное средство закрепления ее результатов. Таким образом, тесное переплетение когнитивных и прагматических механизмов в функционировании языка (прежде всего – в речепроизводстве) обусловлено самой языковой природой. Показательно, что на современном этапе развития науки когнитивная психология смыкается с лингвистикой; психологи и лингвисты, начиная с Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, Б.Г. Ананьева, А.Н. Соколова, С.Д. Кацнельсона, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, Т.В. Ахутиной и многих других, видят в речевой деятельности активный процесс совершения мысли в слове.

Отмеченный в свое время С.О. Карцевским асимметричный дуализм языкового знака [Карцевский 1965: 85–90] связан с основной особенностью когнитивного отражения действительности в языке – его незеркальным характером. Об иконичности отражения тех или иных объектов, фрагментов действительности можно говорить применительно к таким его копирующим видам, как, например, фотография, ксерокопия, фонограмма, магнитофонная запись или (в меньшей степени) картина живописи. Что касается сообщающей единицы речи – высказывания и его языковой модели – предложения, то об их иконичности можно говорить очень условно, лишь как об обобщенном, принципиальном сходстве структуры, модели предложения со структурой ситуации – денотата, причем этим свойством обладают только ядерные модели синтаксической системы языка – двусоставные предложения, поскольку они опосредованно, через соответствие пропозициональной структуре как «интеллектуальной модели события» (по Т.П. Ломтеву), воплощают в себе универсальный характер структуры мышления. Визуальный образ фрагмента действительности запечатлевается в сознании как целостная, неделимая «картинка», однако в структуре мысли, суждении структура денотативной ситуации всегда представлена как минимум двучленная. Одночленных суждений, мы полагаем, не существует. Скорее всего, в некоторых случаях второй член суждения просто не осознается или неявно осознается говорящим (или реципиентом) вследствие «автоматизации процессов, которые первоначально отражались в сознании» [Хант 2004: 74]. В последнем случае речь идет о так называемом «когнитивном бессознательном», которое заключается в том, что «восприятие, семантическое распознавание и вербальное мышление могут оставаться «неявными» или «бессознательными» и способны к выражению независимо от какой-либо системы сознательной осведомленности» [Там же: 73].

Меньшей степенью иконичности, лишь частичной иконичностью обладают односоставные предложения, в частности номинативные, поскольку идея бытия, существования предмета, явления, события, названного главным членом-номинативом, выражена в них не вербально, а лишь интонационно. Степень иконичности высказывания прямо пропорциональна его информативности: чем она выше, тем высказывание информативнее. Однако, как известно, в целом ряде случаев в условиях конкретного контекста и ситуации речи (в текстах художественной литературы, публицистики) более важной становится прагматическая установка на определенный эстетический эффект, на выражение субъективного отношения автора к сообщаемому и т. п. Для этих целей идеально подходят высказывания в форме именительного падежа существительного, так как номинатив – словоформа, удовлетворяющая требованию смысловой емкости при лаконизме вербального выражения. Слабая синтаксическая маркированность номинатива обуславливает и бедность его конструктивных связей, однако в семантическом плане это качество оборачивается богатством ассоциативно-смысловых связей словоформы в конкретном тексте, что можно рассматривать в качестве яркой демонстрации когнитивного устройства языка – памяти в виде ассоциативно-вербальной сети единиц его информативной базы. Номинатив выгодно отличается от других словоформ огромным стилистико-прагматическим потенциалом; являясь эффективным и эффектным экспрессиватором текста, он способен служить и прекрасным имитатором устно-разговорной речи, для которой характерен принцип экономии речевых усилий, или, по выражению Е.Д. Поливанова, «обыкновенная человеческая лень».

Указанные качества наиболее характерны для высказываний-номинативов, структура которых не изоморфна структуре обозначаемой денотативной ситуации. Такие высказывания внешне сходны с односоставными номинативными предложениями, служащими деривационным фоном формирования первых, но отличаются большей смысловой емкостью, в силу которой именительный падеж в них по своему синтаксическому статусу соответствует целостному высказыванию, а не его главному члену. Чем больше представлено это отличие в разных типах денотативно неформальных высказываний-номинативов, тем они своеобразнее по сравнению с каноническими предложениями-высказываниями, тем отчетливее в них проявляется незеркальный характер отражения ситуации действительности, лежащий в основе когнитивного механизма их образования.

Именительный характеризующий в плане его образования представляет собой результат текстового перераспределения содержания фрейма детали портретной характеристики персонажа, заключающийся в том, что компонент с семантикой «обладатель внешности» оказывается в высказывании, сопровождающем другое высказывание, основное с точки зрения характеристики внешности («именительный характеризующий»), причем нередко в дистантной позиции. Во всяком случае, нередко высказывание-сопроводитель и именительный характеризующий невозможно без нарушения структуры текста и искажения прагматической установки автора текста синтагматически совместить, объединить в рамках одной синтаксической конструкции (см. п. 1). Когда же такое совмещение имеет место, предикативность именительного характеризующего, сближающегося функционально с членом предложения, явно ослабевает, а

включающая его синтаксическая конструкция приобретает черты предложения, переходного между простым и сложным [Хамзина 1982]. Например:

1. На мосту раздались суетливые шажки, из темноты вынырнула щуплая фигура, наткнулась на Самсона Попенкина, созерцающего в отрешенном одиночестве загадочное завтра.

– Ой!

Очки в железной оправе, бледное испуганное лицо.

– Это вы, Самсон Яковлевич! Как вы меня напугали!

Полина Ивановна, хранительница читательских писем, дважды в день навещающая Самсона Попенкина по долгу службы (В. Тендряков).

2. Самсон Попенкин уважительно проводил Ивана Лепоту до дверей. У дверей в коридоре стояла Полина Ивановна Кукушкина, заведующая отделом писем, – строгие очки в железной оправе, чопорная добросовестность в поблекших чертах.

– Самсон Яковлевич, можно взять письма? (В. Тендряков).

Параллелизм, корреляция когнитивной и языковой концептуализации объектов действительности и ее минимальных фрагментов, в частности ситуаций действительности, являющихся денотатами высказываний, хотя и предъявляет определенные требования к вербальному выражению информации о денотативной ситуации, но не исключает его вариантов, выбор того или иного из которых находится в компетенции прагматики речи. Более того, этот когнитивно-прагматический механизм речепорождения высказываний позволяет нарушать когнитивно-языковую корреляцию между типами пропозиций и их предложением воплощением, создавая неканонические высказывания, что мы и наблюдаем на примере именительного характеризующего. В нарушение когнитивной логики, но под давлением прагматической установки автор текста пытается выразить категорию субъективно-личностной «позиции наблюдателя», создать эффект остановившегося кинокадра (прием коммуникативного выделения, усиления); неавтономная бытийность деталей внешности представлена в высказываниях-номинативах, называемых нами именительным характеризующим (далее – ИХ), как самостоятельная, что не позволяет относить их к односоставным номинативным предложениям несмотря на то, что последние явно создают благоприятный деривационный фон (или почву), провоцирующий возникновение ИХ и поддерживающий функционирование последних в качестве своеобразного типа высказывания. ИХ в содержательно-денотативном плане соотносятся также с однофункциональными членами предложения и с посессивными конструкциями, включающими в свой состав «у-локализатор» плюс форму родительного падежа с семантикой обладателя внешности. Сравним, например, с ИХ в приведенных выше текстовых фрагментах: Полина Ивановна Кукушкина, заведующая отделом писем, в строгих очках в железной оправе, с чопорной добросовестностью в поблекших чертах. У Полины Ивановны Кукушкиной... строгие очки в железной оправе, чопорная добросовестность в поблекших чертах.

Многовекторность межмодельных функционально-коммуникативных корреляций высказываний ИХ не позволяет соотнести их в деривационно-синтак-

сическом плане с какой-либо одной синтаксической моделью предложения; неправомерно рассматривать этот тип высказывания и как неполную речевую реализацию какого-либо типа предложения (см. иную точку зрения в: [Иванова 2003: 91]).

Такой интерпретации противоречит особенность денотативного содержания ИХ как визуального объекта когниции, на чем и зиждется текстовая функция высказываний данного типа, служащих средством реализации семантико-стилистической категории «позиция наблюдателя», которая удерживает их статус предикативной единицы даже в случаях предельного его ослабления и функционального сближения с членами предложения, характерного при транспозиции именительного падежа в позицию косвенного. Например: Галина Борисовна, тогда еще Галя Волчек, мне с самого начала понравилась. Большие серые глаза, похожа на Симону Синьоре (М. Абелев).

Результатом взаимодействия когнитивных и прагматических факторов являются возникновение и функционирование другого типа неканонического высказывания с денотативно неизоморфной структурой – именительного этапно-событийного (ИЭС) в форме номинатива, нередко распространенного детерминантным обстоятельством времени, указывающим на временную последовательность сменяющих друг друга этапных событий целой человеческой жизни или ее длительных периодов. Например: А до этого дня и помнить особенно было нечего: сельская школа, трактор, армия, и вот – Зина! (В. Маканин).

Особенностью человеческого осмысления течения времени является возможность представления этого процесса как последовательной смены различных событий, этапов жизни, то есть отрезки времени в сознании познающего и отражающего в своем сознании это познание действительности человека материализуются в конкретные образы событий, а обозначающие эти события слова становятся своеобразной метафорической номинацией хронологических квантов бытия. Этот способ обозначения временной последовательности носит ярко выраженный антропоцентрический характер, присущий языковой репрезентации когнитивной деятельности, и при описании жизни человека является очень типичным, несмотря на его периферийность по отношению к функционально-семантическому полю времени грамматического, в центре которого находятся глагольные формы. Прагматический фильтр психологического осознания времени в плане языкового выражения создает оппозицию «время грамматическое – время объективное», где последнее пропущено сквозь призму индивидуально-личностного восприятия, субъективного переживания собственной судьбы, даже если ее события ординарны, как судьба многих. Тривиальность многих этапных биографических событий для сознания говорящего (пишущего) и реципиента делает возможным употребление для обозначения фактов биографии высказываний ИЭС, которое можно расценивать как проявление прагматического произвола в речевом использовании языковых средств, почти незаметного для языкового сознания не только неспециалистов в области изучения языка, но и для лингвистов, и воспринимаемого как норма. Имеется в виду непропозициональное, несобытийное значение имен существительных в форме номинатива, функционирующих как высказывания ИЭС, тогда как нормативным, не противоречащим корреляции между когнитивной и языковой концеп-

туализацией фрагментов, ситуаций объективного мира является употребление субстантивов-девербатов для передачи семантики этапного следования событий. Грань между последними и ИЭС, нередко синтагматически сопрягающимися и однофункциональными в контексте, передающем семантику этапной событийности, часто оказывается очень тонкой. На поверхностно-синтаксическом уровне ИЭС, несомненно, производны от модели односоставных номинативных предложений и так же, как последние, в указанном значении легко допускают перевод содержащегося в них сообщения о событиях в формально-грамматически эксплицированный план прошедшего времени. Например: Потом была встреча, цветы, романтический ужин (Комсомольская правда, 2003, 26.12). Из номинативов приведенного текстового фрагмента только один («цветы») можно отнести к высказываниям ИЭС на основании функционально-семантического сдвига словоформы «цветы» от первичного значения конкретно-предметной бытийности (в синтаксической позиции главного члена номинативного предложения) в сторону вторичного значения ситуативной, событийной бытийности, более сложной по своей глубинно-семантической структуре, предполагающей конденсацию и семы предметной (объект действия), и процессуально-акциональной (действие дарения), и имплицитруемой лексическим значением слова «цветы» при номинации данного события семы агентивно-субъектной (производитель действия). Тем не менее отмеченная выше грань существует, поскольку она получает выражение в дифференциации языковой семантики номинативов в составе односоставных номинативных предложений и в ИЭС. Более явственной эта грань становится, если этапное событие представлено номинацией лица, с которым оно связано. Например: Дальше был Кириенко, дальше был дефолт... (КП, 2003, 28.XI). Первая часть этого сложного предложения представляет формально-парадигматический вариант модели ИЭС, вторая – односоставного номинативного предложения. Повторение глагольной формы «был» служит формальным показателем статуса бессоюзного сложного предложения. Однако грамматический статус самой глагольной формы (связки – в первом случае, предельно ослабленного, но, с нашей точки зрения, все же знаменательного глагола – во втором) не одинаков в силу когнитивного осмысления двух очень близких, но все же различных способов вербального представления денотативных ситуаций этапной событийности. В ИЭС сема действия конденсирована в семантике лица («Кириенко») и известна из прагматических пресуппозиций, фоновых знаний о данном этапе в жизни России, вследствие чего глагол «был» в содержательном плане десемантизирован, являясь лишь грамматическим шифтером, «переключателем» содержания сообщения в другой временной план, причем сам акт этого переключения с содержательно-семантической точки зрения необязателен, поскольку информация о времени события в ИЭС уже присутствует в пресуппозитивной части его семантики. Во второй части подобных синтаксических построений глагол «был» эксплицирует предикативный компонент содержания односоставного номинативного предложения, изменяет синтаксический способ выражения предикативности в его традиционном толковании (двусоставность/односоставность), поэтому интерпретация корреляции структур типа «Дальше дефолт» и «Дальше был дефолт» в современной лингвистической литературе но-

сит неоднозначный, дискуссионный характер. Это различие значимо для синтаксической диагностики (простое/сложное предложение) построений, основные компоненты которых представлены номинативами. Несмотря на функциональное пересечение сфер употребления слова (словоформы) и предложения (в его широком понимании) в речи, сближение нескольких номинативов с семантикой ИЭС при отсутствии повторения при них глагольного компонента и, напротив, наличие грамматически общей, объединяющей детерминантно-обстоятельственной словоформы с обстоятельственно-временным значением, способы передачи этапной семантики, включающие цепочки ИЭС или их синтагматическое сопряжение с односоставными номинативными предложениями, логично интерпретировать как сложные предложения, а не предложения с однородными членами. Например: В Москве я давала уроки – за завтраки и обеды... Потом я вышла замуж за американца, за Бенджамена Пеппера. Потом были Вена, Париж, Лондон... (КП, 1993, 21.X). А потом январь, танки, захват телецентра (КП, 1994, 12.I – речь идет о событиях, связанных с отделением Литвы от Советского Союза. – Г.Х.).

Рамки статьи не позволяют нам проиллюстрировать высказываемые теоретические положения на материале анализа третьего, очень показательного в свете рассматриваемой проблематики типа денотативно неизоморфных высказываний-номинативов – именительного мемориального, выполняющего прагматическую функцию самонапоминания о предстоящих событиях, денотативных ситуациях в текстах «записей для памяти» их автору. Например: Аптека. ЖКУ. Магазин. Вера Ивановна (Подробнее их анализ будет представлен в одной из наших работ. – Г.Х.). Однако и анализ привлеченных к лингвистическому исследованию типов высказываний-номинативов позволяет сделать вывод о наличии «корреляции языковых явлений с феноменами сознания» [Кобозева 2003: 26] и проследить в определенной степени действие и взаимодействие когнитивно-прагматических механизмов образования и функционирования речевых единиц, в частности высказываний-номинативов. С одной стороны, минимальная иконичность таких высказываний, обусловленная незеркальным способом отражения действительности сознанием человека, определяет структурно-семантические параметры их как денотативно неизоморфных; с другой стороны, в основе становления и функционирования таких высказываний лежат стилистико-прагматические факторы, связанные с языковой личностью коммуникантов, с их коммуникативными стратегиями и тактиками.

Summary

G.K. Khamzina. Cognitive and pragmatic mechanisms of the formation of nominative utterances.

Non-standard nominative utterances in the formation of which cognitive conceptualization and linguistic representation do not coincide are considered in this work. The author follows the idea of I.A. Baudouin de Courtenay about a crucial human factor in the process of language change and associates the mechanisms of the formation of such utterances with non-mirror character of cognitive-linguistic reflection of reality. The structure of these non-iconic utterances and that of the extralinguistic situation denominated by them are not isomorphous. In the formation of such constructions the pragmatic factors of speech activity, such as the tendency to laconism, expressiveness, representation of textual categories, etc. are of great importance.

Литература

1. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. I. – 384 с.
2. *Иванова Е.Ю.* Логико-семантические типы предложений: неполные речевые реализации. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. – 208 с.
3. *Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85–90.
4. *Кобозева И.М.* Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания: Научн. докл. на соискание учен. степ. д-ра филол. наук. – М.: Моск. гос. ун-т., 2003. – 92 с.
5. *Николаев Г.А.* Бодуэн де Куртенэ и Казанский университет // Уч. зап. Казан. ун-та. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. – Т. 131. Бодуэн де Куртенэ: теоретическое наследие и современность. – С. 7–16.
6. *Хамзина Г.К.* Синтаксические конструкции, совмещающие черты простого и сложного предложения // Переходность в системе сложного предложения современного русского языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – С. 172–180.
7. *Хант Г.Т.* О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / Пер. с англ. А. Киселева. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 555 с.

Поступила в редакцию
21.02.05

Хамзина Гульшат Касимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.